

сборник рассказов
ЧЕРНЫХ ДУШ

Так зачем мы живем?
Нет, зачем мы вообще рождаемся
в этих кибернетических сетях прогресса?
(Куликов К.О. «Я вышел»)

КИРИЛЛ
КУЛИКОВ

Фиолетовый слон
Жизнь и смерть гостиницы Распарченко

НИБЕР ЧИСТИЛИШЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ

Я ВЫШЕЛ

НИБЕР ЧИСТИЛИШЕ:
ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ХРОНИКИ ЭРЫ ЕДИНСТВА

Далекое будущее. Планета Земля опустошена и покинута. Люди с их очерненными жалкими душами начали колонизацию галактики Хамар, уже заселенной множеством других рас. Так дается начало новой эры, эры единства... Но проходит время, и галактика тонет во мраке, в вечной ночи и беспощадной серости. Живые потеряли трезвый рассудок, почернели изнутри. Они уже не живут, они лишь существуют во тьме своих мыслей и пороков. И это их истории...

Кирилл Куликов
Сборник рассказов Черных душ

Фиолетовый слон

или

Жизнь и смерть господина Распарченни

Куликов Кирилл Олегович

ХРОНИКИ ЭРЫ ЕДИНСТВА

Фиолетовый слон или Жизнь и смерть господина Распарченни

Далекое будущее. Первая половина шестого века эры единства. Одиночество, порождающее потерю рассудка, любовь, причиняющая боль, всепоглощающая работа и появление на свет. Невеселая история жизни серого, как мир, мальчика, выросшего в еще не обесцвеченной пороками галактике Хамар. Или «так почему же слон фиолетовый?»»

Тридцать:

В дверном проеме появляется начищенная до блеска туфля и высоко натянутый белый носок. Так входит ровным шагом человек в серых бриджах и с серым чемоданом и с ходу начинает рассказывать тему лекции. В тех самых бриджах, в которых он ходит еще с года тотального затмения. Но вот уже удивленные студенты начинают смеяться еще громче, оторвав взгляд от солдатских ног и перекинув его на новенькое длинное черное пальто с «объемными увеличителями плеч», на клетчатую черно-белую кофту с треугольным вырезом и на невысокую черную шляпу. И эта гнутая фигура,

прячущаяся за поднятым воротником, монотонно диктует сухой научный текст, стремительно надоедая своим слушателям...

— Итак, о чем я сейчас говорил? Ах да, о том, насколько трудно будет сдавать у меня экзамен и что мои лекции нужно не только посещать, но и записывать. Но некоторые на них даже не ходят. Передайте этим умникам, что я половину лекции плакал. Ну а теперь поговорим о наших двоичных слонах. Но прежде... мне хотелось бы узнать мнение нормальных людей. Хотя нормальные люди на этом факультете не учатся, так что... Вот вы, — указывает он на одну из студенток, — ответьте: почему сконвертированный нами слон — фиолетовый?

— Но... в мире же нет цвета?

— Вы не ответили на мой вопрос. Вот я разбужу вас утром, и вы тут же должны дать мне правильный ответ! Следующий!

И подобное было каждый раз, когда Распарченни видел на лицах студентов усталость или невнимательность. Однако в его вопросах всегда была какая-то логика. В реальном мире цвета и правда не было, но в мире виртуальном...

Тридцать девять:

Ночь. Патрон заряжен в ствол и готов

выполнить свое предназначение. Глаза с трудом выдавливают скупые мужские слезы. Мысли путаются, а пред глазами встает ее фигура.

— Ты не со мной, — говорит он ей. — Я так устал от всего этого мира... С кем ты там? Мы ведь только зажили счастливой жизнью... Так, быть может, я могу к тебе присоединиться? Мы будем снова вместе, снова вдвоем...

— Друг мой, у тебя крыша полетела, — говорит ему стоящий в дверном проеме черный кот. — Я тебя понимаю, ведь все мы немного не в себе. Весна уже давно умерла, а тебя все тянет на какие-то там «чувства».

Бедный Распарченни ответил на слова кота испуганным и удивленным взглядом.

— Нет-нет, не смотри на меня так, — продолжает кот. — Ты... не сошел с ума. И зря ты думаешь о смерти. Любовь не вечна. Вот увидишь: пройдет время, и твое сердце снова станет черным, как наше небо. Умереть еще успеешь, но жизнь-то утекает...

Внезапно гаснет свет. Гаснет и накрывает единственного своего посетителя беспросветной тьмой. Скрипит незапертая дверь. Воеет ветер. Окно открыто. Впервые в жизни он не закрыл его вовремя. Так уже немолодой, по нынешним меркам, Распарченни падает в самую бездну. Падает вниз

головой... А ведь прошло какое-то время с той роковой ночи...

Тридцать семь:

Девочка с глазами из черного льда. Она встретила ему совсем недавно, на следующий год после того, как он лишился основного своего финансового обеспечения. И грустному Распарченни она тут же приглянулась. Он познакомился с ней, стал больше проводить с ней времени, прогуливаться под карканье четырехкрылых ворон, перекусывать с ней в ближайшем ресторане после ее работы... Принялся ухаживать, однако, делая это несколько «по-дружески»... Провожал ее до дома, но ни разу не поднялся к ней, не постучался, не обнял. Он боится. Но чего? Потерять то, что никогда не ценил. Потерять дружбу, которой долгое время не ощущал...

Тридцать четыре:

Получив немалый опыт, некогда маленький серый Распарченни заметно изменился. Стал более открытым, серьезным и смелым. Но иногда все же он был еще и злым и очень требовательным. Станный шут стал злобным клоуном. Многие студенты стали его ненавидеть. Но лишь после того, как что-то у него сдавали...

— Мало, мало, — разочарованно говорит Распарченни одной сдающей у него студентке.

— Но... я же все рассказала!

— Мало рассказать, я не вижу практических навыков.

— Что же, я должна вам прямо сейчас сконвертировать себя в виртуальный мир?

— Ой, только не говорите мне, что вы еще не создали свой аватар! Многие сейчас сидят в виртуальности. Загрузитесь и проделайте то, о чем только что рассказали.

— Но я не взяла с собой устройство...

— Какой предмет вы пришли сюда сдавать?

— Основы виртуальной реальности.

— Так почему у вас нет с собой ви-эр-устройства? Вы уже второй раз приходите ко мне! Скоро нам с вами уже можно будет поговорить о смысле жизни... Не принимаю я вашу работу. Придете пересдавать завтра.

— Но завтра же...

— Никаких «но»! Завтра — значит завтра. А если не придете...

— Что, если не приду?

— А этого я уже вам рассказывать не буду. Увидите.

Да, он стал строг. Но внутри он все же остается добрым и способным на сочувствие

человеком. Так он всегда давал деньги попрошайкам-беднякам и решал некоторые проблемы тех, кто к нему обращался. Ах да, и еще он всегда умел находить спонсоров и решал проблемы учебного заведения в плане финансов. Но прошли еще несколько месяцев, и он включился в нечто большее. И произошло это в самый разгар темы виртуальной зависимости...

— Жители великой планеты пали жертвой виртуальности! И даже не только планеты, но и всего мира! — экспрессивно доносит до присутствующих на ночной заснеженной площади Распарченни. — Все мы тонем в информационном пространстве и делаем вид, что все в порядке! Так и должно быть, скажете вы? Нет! Мы должны восстать за запрет виртуальности в обществе! Восстать за то, чтобы наши дети росли в реальности, а не в мире иллюзий, потому что именно они будут строить и нашу старость, и будущее всего мира! От них зависит, восстанет ли страна из мертвых или вымрет окончательно!

— Да! — вперевод кричат благодарные слушатели.

— Пора избавить наших детей от оков иллюзий! Пусть увидят, наконец, каков мир на самом деле!

— Да!

Поднимается холодный ветер и снег. Над

головой Распарченни появляется звездолет. Маленький звездолет закона.

— Немедленно прекратите! — доносится голос из динамиков корабля. — Разойдитесь по своим домам или мы применим необходимые меры!

— Вы думаете, мы боимся чего-то? — не соглашался Распарченни. — Нет! Мы не поклонимся лживому правосудию, мешающему истинному делу! Мы не сдадимся под вашими угрозами!

Но зрители молчат... Молчат и постепенно расходятся, видя, как неподалеку приземляются полицейские аэромобили. Так Распарченни остался один. Один в камере временного заключения... Правильно ли он сделал, что настоял на своем? Кто знает... Так или иначе, спустя еще пару месяцев ему нашлись последователи. Те, кто продолжили его идею и добились запрета виртуальности. И не просто запрета, а ее тотального отключения в обществе... Однако сам Распарченни в этом уже не участвовал. Он находился под строгим надзором со стороны закона...

Тридцать шесть:

— Господин Распарченни, у меня к вам крайне важный разговор, — вызвал его к себе ректор и просто главный в совете по третьей

пяtilетке. — Присядьте.

— Пожалуй, откажусь. Мы отстаем от плана?

— Нет-нет, что вы! Мы его даже перевыполняем!

— У нас закончились средства?

— Нет-нет, с ними, благо, тоже все хорошо. Здесь дело в другом, — скрестил он пальцы на столе и опустил глаза. — Две ночи назад я получил распоряжение свыше и сегодня составил документ под вашу подпись... Но вы не подумайте, я не хотел этого...

Распарченни взял протянутый сенсорный документ, просмотрел его, взял стилус и поставил подпись. Это был «приказ на расторжение трудового договора» на его имя, фамилию и отчество. Теперь он лишился всего, что содержало его последнее десятилетие, а то и чуть больше.

— Но вы не расстраивайтесь, — говорит ректор, — я найду вам работу. Даю свое слово!

Восемнадцать-двадцать три:

Шли годы. Распарченни уже учится в высшем государственном заведении на инженера. Причем учится он отменно. Не на зависть другим, конечно, но вполне хорошо. Если исключить предметы, в которых имеет место хотя бы простейшая работа с кибер пространством...

Спустя два года начались некоторые

проблемы. Но не у него, у его знакомых. А все почему? Потому что Распарченни погрузился в учебу и в самого себя с головой. Отличный способ расстаться с друзьями! И каждый день этот юный студент-интроверт тускло сверкает своими туфлями, клетчатой черно-белой кофтой с серыми бриджами и белыми носками...

— О, шут наш явился! — пошутил однажды некто о его внешнем виде.

— А сам-то кто? — спросил тогда другой со стороны.

И в тот прекрасный день, спустя пару часов, Распарченни засиял ярким светом от вспышки солнца. Яркого белого солнца. Все вдруг стало серым, словно всем живым в галактике повредило зрение от той яркой вспышки. Однако не все ее видели. Далеко не все... Ударная волна повыбивала стекла. Тьма накрыла галактику и стала ее законным императором. Это повлияло на всех. Но вечно бледный мальчик Распарченни изменился не сильно. Каким он серым был, таким он и остался...

Однако прошли годы, обучение закончилось и, как бы это ни было странно, выпускник инженерной специальности стал преподавателем учения о виртуальном мире, который всегда так ненавидел. Хорошо ли это? Да черт его знает... Учителей и преподавателей тогда было

катастрофически мало. Люди, трюги, зэндоры и прочие представители человекоподобных рас, проживающих на планете Алтус, принялись восстанавливать единственную страну по первому зову властей, а значит и вкалывать на соответствующей работе. Политический ход прошлого сработал. Живые потеряли свое собственное мнение и бездумно подчинились, согласившись на все условия. А может ли, к примеру, человек без собственного мнения быть человеком? Или дуарт без свободы мысли быть дуартом? Нет, ни в коем случае. Однако это еще не говорит о том, что Распарченни был «не таким, как все»...

Тридцать семь-тридцать девять:

И он пришел. Весь трясущийся и болезненно кашляющий. Подхватил какую-то болезнь и собирается заразить всех окружающих. А точнее своего товарища. Едва ли не единственного человека, которому он всегда доверял.

— Так о чем ты хотел поговорить? — спрашивает его знакомый, сидя за столом и попивая питательный коктейль «оливий».

— Я пришел за советом, — говорит Распарченни, опустив глаза. — Я люблю ее... Каждую ночь к ней хожу, но не могу даже постучаться...

— Вот оно что...

— Я боюсь, что все испорчу.

— Испортишь? Да куда уж хуже-то? Сколько там тебе? Четвертый десяток уже пошел, нет? Я, конечно, понимаю, жить и жить еще, но пора бы уже разбираться с такими проблемами. Вот скажи честно: чего ты хочешь больше всего? Есть что-то, что ты, может быть, хотел бы вернуть из прошлого или просто обрести или же достичь больше, чем этой любви?

— Ну... Я знаю, что это глупо, но... я хочу увидеть, как взойдет солнце. Сильнее только это. Больше ничего.

— Что ж, это... слишком масштабно. Крепись, — подошел и похлопал товарищ его по плечу. — Хотя, если ты и правда хочешь быть вместе с той особой — признайся ей. Просто наберись духу, собери, наконец, в кулак всю моль из своего пальто и признайся! Давно уже пора!

— Опять шутишь?

— Понимай, как хочешь. Ты всегда был один, но надо бы уже знать, что любовь это, конечно, всякие-там «высокие чувства», привязанность к другому человеку, встречи с ним, ухаживание... Но это еще и боль. Короче говоря, будь аккуратен в своих словах и действиях. Тем более раз раньше ты с этим не сталкивался. Ну, удачи. А меня ждут дела.

Распарченни ушел, оставшись наедине со своими мыслями. На следующую ночь, отбросив свои мысли куда подальше, он собрался, накинул свое черное заплатанное пальто, надел шляпу и покинул квартиру...

Не прошло и года, как в жизни Распарченни наступила белая полоса. Кричали гости, слепили всех светом символизирующих праздник фонарей. Устроили пьяную драку, обсуждая жениха и невесту... Эта ночь стала самым радостным событием в жизни некогда несчастного преподавателя виртуального мира. Он обрел, наконец, то самое недостающее счастье. Единственное, что его выводило из себя, так это гости. Он хотел остаться, наконец, наедине со своей любимой, но продолжал терпеть весь этот шум, потому что для жены вся эта церемония, все это празднование было важно.

— Теперь мы будем счастливы. Всегда будем счастливы, — сказала тогда она.

И Распарченни не мог ничего ей ответить. Хотел верить в ее слова, но не мог. И в одну яркую черно-белую ночь, уже во время их недолгой совместной жизни, Распарченни ушел по делу к своему давнему знакомому. И вот уже он возвращается, невольно начиная улыбаться. Поднимается на свой этаж, думая о своей жене.

— Дорогая, я дома, — говорит он, войдя в квартиру.

Пройдясь по квартире, он заглянул в приоткрытую дверь спальни комнаты... Никого. Наверное, на кухне, в очередной раз готовит нечто необычное.

Распарченни входит на кухню и видит ее... А она распласталась на полу с обожженным лицом и ножевым ранением. Она истекает алой кровью, она неподвижна...

Распарченни тут же вызвал скорую и полицию. Те прилетели лишь спустя треть часа. Тогда жена Распарченни уже однозначно была мертва. Так же, как и сам Распарченни был уже мертв изнутри...

Сорок:

Звенит будильник. Рука спокойно выключает его и упирается в кровать. Опустошенное тело поднимается, словно из гроба. Пора есть. И немного пить.

В дверном проеме кухни появляется высоко натянутый белый носок. Так входит ровным шагом человек в серых бриджах и с ходу включает свет. Гнущее кашляющее тело направляется к главному в своей жизни. Направляется к холодильнику...

— Снова выходишь на работу? — спрашивает

сидящий на подоконнике кот. — Иль в магазин намылился? А, ты просто поесть пришел? Да?

— Да. Просто пришел поесть.

— А потом? Продолжишь свою игру?

— Какую еще игру?

— Жизнь свою. Это ведь игра, разве нет?

— Для кого-то игра, а для кого-то — нечто большее.

— Ну... В общем-то, ты прав. Впервые с момента нашей первой встречи. Разве что-то изменилось? Ты, вроде, как раньше был одинок, так и сейчас таковым остался...

— Я не одинок.

— Да? А кому ты такой нужен? Жизнь тебя проиграла, а смерть — продала. Может, ты нужен своим студентам?

— Нет.

— Ве-рно. Кстати, ответь-ка мне: так почему же слон фиолетовый? Не потому ли, что он болен? Или он перелечился коллоидным серебром? И многое ли значило то «слово» ректора? Нашел ли он тебе работу?

— Сгинь. Недели две тебя не видел и видеть больше не хочу!

— Ты никто. И ты сам в этом виноват.

— Я сказал, сгинь!

— Нет.

И полетел в черного кота стакан. Полетел, да

перелетел. Трещит стекло, летят прочь его осколки.

— Мимо, — говорит кот. — Впрочем, ты все равно бы в меня не попал. И выпей таблетку, а то совсем что-то расслабился.

Так черный дьявол растворился в отравленном злобой воздухе, словно его здесь никогда и не было.

— Нет, все это меня уже достало, — говорит Распарченни себе под нос, заглянув в полупустой холодильник.

Отпив из бутылки немного холодной воды и снова болезненно покашляв, он надел штаны, клетчатую кофту с треугольным вырезом и джемпер, затем влез в туфли, обмотался шарфом и второпях покинул квартиру, не обнаружив на крючке пальто.

Урчащий живот заставляет своего хозяина идти все быстрее и быстрее. Холод пронизывает скорчившегося немолодого Распарченни до костей, но тот все продолжает свой путь в магазин, находящийся всего в полусотне метрах от дома. Но вот в его голове звенит звонок. Взмахом руки он открывает светло-серое голографическое окно.

— С днем рождения, господин Распарченни! — гласит полученное сообщение. — В честь праздника хотел бы предложить вам работу! Жду вас завтра в открытом мной в

Верклеуде кафе «судьба»! Надеюсь, вы придете!

Сообщение было отправлено давним знакомым Распарченни, и конечно же, он этому рад. Рад и, наверное, впервые в жизни после смерти жены не скрывает своей улыбки. Это лучший подарок на его день рождения. Особенно если учесть, что никто его пока больше не поздравил. Впрочем, еще вся ночь впереди. Времени предостаточно...

Сам не свой Распарченни вновь кашляет и закрывает голографическое окно. Тонкий слой навалившего после недавней чистки снега радостно скрипит под начищенными вчера туфлями. «Еда уже близко», — успокаивает он свой живот... Едва слышимые крики ссорящейся пары. Треск стекла где-то далеко наверху. Из окна вылетает большая черная сумка с чем-то тяжелым и падает прямо на Распарченни...

Время застыло. Остановилось и умерло. Теперь уже слишком поздно что-то повернуть назад. А снег все лежит и лежит, кое-где даже, кажется, еще с прошлого десятилетия. Черная квартира пустует. Лампа не горит. Лишь ветер бушует за уже разбитым кухонным окном, развивая по комнате наполовину раскрытые шторы. Едва улыбающийся человек-никто захлебнулся в вечной темноте, покинув ее, но оставив в ней свою душу.